

УДК 94(571.56)"1921/1922"

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ИДЕОЛОГИЯ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ЯКУТИИ 1921–1922 гг.

Е.П. Антонов¹, В.Н. Антонова²

¹*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, 677027, Россия*

²*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, 677000, Россия*

Аннотация

В рамках комплексного изучения якутского антисоветского повстанческого движения 1921–1922 гг., принявшего национальный характер, рассматриваются социальный состав и идеология участников мятежа. Выявлено, что основу повстанцев составляли бедняки, батраки и середняки, военное руководство над ними осуществляло русское офицерство, идеологическое направление задавала интеллигенция, финансовую помощь оказывало купечество.

Проанализировав программы, уставы, обращения, частные письма и другие документы, авторы пришли к следующим выводам: большинство мятежников выступало за Учредительное собрание, образование национальной государственности в форме областного самоуправления, многопартийность и демократические свободы. Они занимались созданием исполнительной власти в виде института уездных управляющих, волостных, наследных и сельских управлений. В экономической сфере предполагалось введение паевой системы по трудовой норме и сохранение статуса порто-франко на Охотском побережье с целью преодоления товарного голода.

Имеющийся в распоряжении фактический материал позволяет говорить о превращении коренных народов Якутии в активный субъект исторического процесса. Реконструкция политической платформы рассматриваемого движения отражает этап противоречивого и трудного процесса формирования идей государственности.

Ключевые слова: социальный состав, повстанческое движение, информационное отделение, монархические идеи, интеллигенция, Учредительное собрание, областное самоуправление, военный коммунизм, продразвёрстка, концессии, порто-франко, паевая система

Несмотря на огромное число работ, посвящённых Гражданской войне в России, в историографии остаётся много белых пятен. Одно из них связано с произошедшими в 1921–1922 гг. массовыми вооружёнными выступлениями населения, недовольного политикой военного коммунизма. Выявление социального состава повстанцев в национальном регионе и реконструкция их политической платформы по уцелевшим в архивах письменным источникам не утратили своей актуальности и поныне.

В Якутской области, по переписи 1917 г., проживало 264 тыс. 136 человек. В повстанческом движении 1921–1922 гг. участвовало 3 тыс. 350 мятежников, что составляло 1.2% всего населения или 2.42% мужской его части (4.8% мужчин «в рабочем возрасте») [1, с. 274]. Сведения о социальном составе повстанцев в архивах не отложились. Имеются данные лишь об участии 10 наслегов¹ Намского улуса Якутского округа, где общее количество мятежников составило 107 человек: 71 бедняк, 19 середняков, 13 батраков (хамначитов), 4 кулака [2, с. 316].

В вовлечении в мятеж якутских бедняков и батраков огромную роль сыграли купцы и торговцы. Их влияние на население трудно переоценить, так как они снабжали улусы необходимой продукцией. Финансирование повстанцев деньгами и товарами осуществляли Г.В. Никифоров, И.П. Антипин, П.Д. Филиппов, П.А. Кушнарёв, Ю.А. Галибаров и др. [2, с. 179–181]. Чрезвычайно уполномоченный в северных округах А.С. Ефимов писал: «Посмотрите, из кого состоят повстанцы, как не из бедных якутских семей, которые никогда не занимались войной, разбоями и грабежами, а жили своим мирным трудом» (НАРС(Я). Ф.Р-176. Оп. 1. Д. 50. Л. 95 об.).

Помимо этого, в якутском движении участвовало примерно 60–70 представителей интеллигенции: М.Д. Азаров, Г.В. Баишев, И.Ф. Афанасьев, А.С. Ефимов, Г.С. Ефимов, К.В. Ксенофонтов, С.И. Михайлов, Н.Д. Неустроев, А.А. Новгородов, С.Т. Новгородов, П.И. Оросин, А.А. Рязанский, А.П. Рязанский, М.М. Сивцев, В.И. Софронов и др. [2, с. 179].

Во главе повстанческих отрядов стояли русские офицеры: В.И. Бочкарёв, И.Н. Герасимов, К.П. Деревянов, В.Л. Дуганов, К.П. Дымов, Н.В. Занфирова, С.Г. Канин, В.А. Коробейников, В.П. Николаев, А.И. Сентяпов, И.Ф. Толстоухов, Н.И. Хапилин, А.М. Храповицкий, П.П. Шулепов, И.Н. Яныгин и др. Председатель Временного Якутского областного народного управления (ВЯОНУ)² Г.С. Ефимов, а также командующий повстанческой армией корнет В.А. Коробейников в обращении к «юным гражданам» призывали мужскую часть якутского народа вступить в учебную команду подготовки младшего командного состава. Непрерывный рост числа командиров должен был обеспечить быстро увеличивающиеся повстанческие отряды (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 1. Л. 16).

Гражданская война воспринималась её участниками и очевидцами гораздо сложнее, чем столкновение классов, партий и даже политических режимов. Попытки политической дифференциации населения были малорезультативными [3, с. 33, 35]. Главной причиной «крестьянского антикоммунизма» в Западной Сибири стала военно-коммунистическая политика большевиков. Крестьянский протест явился естественной реакцией деревни на открытый грабёж под благовидными лозунгами со стороны власти [4, с. 89]. В своём воззвании от 25 декабря 1921 г. повстанцы также выразили глубокое возмущение репрессиями, когда за два года в Якутии было казнено больше людей, чем в течение

¹ Низшая административная единица Якутии (посёлок).

² Военно-гражданский орган управления Якутской областью. Появился в с. Чурапча Якутского уезда в марте 1922 г. Председатель Г.С. Ефимов, его заместитель И.Ф. Афанасьев; члены: М.Д. Азаров, А.И. Говоров, В.А. Коробейников, К.В. Ксенофонтов, И.Т. Павлов; кандидаты: А.П. Рязанский и В.И. Софронов. Состав ВЯОНУ часто менялся [2, с. 187–188].

многовекового царского правления [2, с. 180]. Идеологи повстанчества отмечали, что большевистские комиссары, как опричники, беспощадно арестовывали, пытали и расстреливали «лучших представителей якутской и местной русской интеллигенции», а также рабочих и хамначитов; чекисты проживали в «барских домах», одевались «во всё лучшее», катали «своих любовниц на буржуйских рысаках», пьянствовали, употребляли ветчину и сахар, «вырванный силой из ртов голодных детей» (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 11. Л. 4). В одном из частных писем «белобандита» говорится об убийстве целой семьи из 9 человек, включая годовалого ребёнка (НАРС(Я). Ф.Р-67. Оп. 2. Д. 6. Л. 8.). В другом письме утверждается, что закрытие партийно-советскими работниками культурно-просветительного общества «Якутское племя» («Саха аймах») по обвинению в контрреволюционном заговоре воспрепятствовало открытию школ грамоты в улусах, устройству спектаклей и организации лекций (НАРС(Я). Ф.Р-67. Оп. 2. Д. 9. Л. 2).

Необходимо учитывать то, что на Дальнем Востоке офицерство по своим политическим взглядам было неоднородно. Встречались сторонники монархии (Г.А. Вержбицкий, М.К. Дитерихс, В.М. Молчанов), приверженцы Учредительного собрания или Земского собора (А.Н. Пепеляев), проэсеровски настроенные (В.Г. Болдырев). Причём монархическая форма правления не имела поддержки среди большинства белых офицеров [5, с. 17, 179]. Якутские повстанцы под руководством ВЯОНУ не придерживались ни монархических, ни коммунистических идей и выступали сторонниками Учредительного собрания (НАРС(Я). Ф.Р-67. Оп. 2. Д. 6. Л. 6). А.С. Ефимов, отвечая на обвинения в монархизме, заявил: «Мы не думаем иметь “якутского царя”» (НАРС(Я). Ф.Р-176. Оп. 1. Д. 50. Л. 21 об.). Более того, в своём частном письме один из лидеров повстанчества С.Т. Новгородов утверждает, что часть русских офицеров, придерживающаяся монархических взглядов, вступила в конфликт с ВЯОНУ; в результате капитан Б.М. Михайловский, старшина П.П. Шулепов, ротмистр В.П. Николаев приговорили к расстрелу 15 якутов, в том числе членов ВЯОНУ А.С. Ефимова и его самого, а в качестве обвинения значились сдача красным без боя г. Верхоянска и хищение ценной пушнины (НАРС(Я). Ф.Р-67. Оп. 2. Д. 6. Л. 29–31; Ф.Р-176. Оп. 1. Д. 46. Л. 17).

Воззвания и приказы руководителей мятежников имели программный характер [6, с. 7]. С появлением ВЯОНУ во главе с представителями преимущественно интеллигенции повстанчество приняло национальную окраску и получило политическую программу. Так, 2 марта 1922 г. на Областном съезде представителей районов, освобождённых от большевиков, было принято решение о верховенстве народа. Население консолидировалось на основе беспартийности вокруг областной власти. Насильственная узурпация какой-либо одной политической партией не допускалась, а большевики рассматривались как государственные преступники. Восстанавливалась неприкосновенность личности, имущества, жилища, гарантировались гражданские свободы (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 1. Л. 9).

Кроме того, было разработано Временное положение по управлению Якутской областью, состоящее из трёх разделов. В первом говорилось о сосредоточении в переходный период всей верховной власти в руках ВЯОНУ, в функции

которого входили заключение мира, объявление войны и установление связей с иностранными государствами. Этот орган напрямую не вмешивался в стратегические и оперативные дела русских офицеров. Разграничивались функции ВЯОНУ и суда. После победы над большевиками планировался созыв Якутского областного народного собрания без участия коммунистов с целью разработки Конституции. Вводился институт управляющих уездами. Второй раздел посвящён учреждению волостных управлений. Его председатель и четыре члена должны быть избраны волостным съездом представителей наследных управлений. В третьем речь идёт о создании волостных, сельских и наследных судов в составе председателя и двух–четырёх членов, избираемых съездом представителей наследных и сельских народных судов (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 1. Л. 13) (см. также [2, с. 188–189]).

При каждом волостном управлении было организовано информационное отделение, которое подчинялось начальнику информационного отдела штаба армии А.А. Новгородову. Основная задача этой структуры, согласно инструкции от 7 июня 1922 г., состояла в том, чтобы разъяснять и распространять распоряжения власти по экономическим и политическим вопросам жизни и противодействовать агитации красных (подробнее см. [2, с. 186–187]).

ВЯОНУ поставило вопрос о создании национальной государственности в форме автономной республики. Так, в одном из воззваний сторонников Учредительного собрания, адресованных якутской трудовой интеллигенции, сообщается, что в Губернском революционном комитете восседали «какие-то хамначиты Аммосовы и Слепцовы», которые ежегодно ездили «в далёкую Москву на поклон красному царю Ленину» (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 11. Л. 4). В итоге 27 апреля 1922 г. с целью пресечения недовольства населения была образована Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика (ЯАССР). Однако она осталась «пасынком Советской России», так как управлялась прежними руководителями (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 1. Л. 17) (см. также [2, с. 185–186]). Поскольку среди повстанцев не было единства по данному вопросу, произошёл раскол. В частности, в 1923 г. командира повстанческого отряда С.Т. Новгородова настойчиво уговаривали принять советскую автономию и сдаться в плен. По мнению Л.И. Новгородова, длительная война повлечёт массовую гибель якутов, когда «останутся одна темнота, дряхлость и млад», что в условиях отсутствия капитала для восстановления экономики неминуемо приведёт к передаче Якутии в иностранную концессию и порабощению коренного населения (НАРС(Я). Ф.Р-176. Оп. 1. Д. 46. Л. 21).

26 февраля 1922 г. по волостям Якутской области был разослан циркуляр повстанцев за подписью временно исполняющего должность уполномоченного Петра Стручкова. В документе содержался призыв жителей к единству, противодействию нравственному растлению, прекращению всех споров и доносов друг на друга, вносящих раскол, подрывающих гражданскую солидарность и духовную спаянность населения. Насилие, грабежи и воровство со стороны большевиков, а также представителей иных партийных, социальных и национальных групп должны были строго пресекаться; задержанные в зоне боевых действий преступники предавались в руки военной власти, а в тылу – следственным органам (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 11. Л. 8–9).

Особое внимание ВЯОНУ уделяло интеллигенции – сторонникам Учредительного собрания, считая их авангардом национального движения. Интеллигенция имела свой политический устав, где провозглашалось восстановление земства после победы над большевиками, а до этого управление Якутией должно было осуществляться губернским, уездными, волостными и наследными комиссариатами. В состав губернского комиссариата планировалось включить по одному представителю от военного штаба повстанцев и политических партий. При этом органе исполнительной власти предполагалось учреждение военного суда, а из повстанческих отрядов – формирование народной армии с командным составом из числа якутов (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 3. Л. 9).

Якутская интеллигенция считала себя самостоятельной и ведущей политической и культурной силой, наряду с РКП(б). Например, организатор потребительской кооперации «Холбос», писатель К.О. Гаврилов призывал беспартийных представителей этого класса участвовать в решении политических, экономических, социальных и культурных вопросов Якутии. Совместная деятельность предусматривалась им при разработке и реализации декретов и постановлений автономной республики, выдвижении и отзыве кандидатур на ответственные государственные должности. Членами местной организации компартии, в соответствии с платформой Гаврилова, могли стать только лица, прожившие на территории ЯАССР не менее 5 лет. Участники красного террора подлежали высылке за пределы республики, а повстанцы и эмигранты – амнистии [7, с. 28–31].

Предложение советской власти амнистировать мятежников информационный отдел повстанцев во главе с А.А. Новгородовым воспринял как обман, преследующий цель разложения их армии. Освобождение повстанцев, заложников и мобилизованных связывалось с желанием большевиков «заслужить внимание» и «усмирить бурный взрыв гнева» народа, а в качестве примера приводились события 1921 г. в Забайкалье, когда попытки устранить разлад с местным населением «кончились страшными массовыми расстрелами». Утверждалось, что на свободе оставят только слабых и неспособных к борьбе лиц, а за амнистированными установят тотальную слежку и одного неосторожного слова окажется достаточно для повторного ареста и передачи в руки трибунала. При этом красные, выдавая себя за мятежников, систематически обстреливали амнистированных из засады на Намской дороге. Последние обвинялись в шпионаже среди повстанцев (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 1. Л. 17) (см. также [2, с. 186]).

Информацию о связи мятежников с интервентами можно найти в сообщениях руководителя Губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем Г.И. Шергина, который писал, что в 1920–1921 гг. в Якутии распространялась литература, напечатанная в Японии на гофрированной папиросной бумаге, сложенная в гармошку и прошнурованная лентой. В ней речь шла о том, как якутам перейти в японское подданство (ФНАРС(Я). Ф. 1894. Оп. 1. Д. 379. Л. 41). Кроме того, М.К. Аммосов 14 августа 1920 г. отправил телеграмму в Сибирское бюро ЦК РКП(б) и Сибирский революционный комитет (Сибревком) о раскрытии контрреволюционного заговора. В ней говорилось о цели заговорщиков во главе с Р.И. Оросиным – образовать с помощью японцев независимое государство под лозунгом «Якутия для якутов!» [8, с. 174].

Между тем для крестьян России и Сибири, борющихся против большевиков, на первом плане были вопросы социально-экономические, а не национальные [4, с. 95–96]. Эту же позицию отстаивал Г.С. Ефимов, который заявил Дальневосточному правительству, что «Якутская область не преследует никаких национальных тенденций и является нераздельной частью Российской империи» [2, с. 187]. Его родной брат, уполномоченный ВЯОНУ А.С. Ефимов, утверждал, что он не националист, поскольку местные жители ищут поддержки «тех, кто помогает якутам в созидательной работе, но не тех, кто навязывает свою волю и налагает цепи» (НАРС(Я). Ф.Р-176. Оп. 1. Д. 50. Л. 33 об.).

В экономическом плане повстанцы выступали за прекращение продразвёрстки и восстановление свободной торговли, а также неприкосновенность личной собственности, крестьянского хозяйства, созданного трудом семьи [4, с. 95–96]. Массовость и упорство крестьянского повстанчества вынудили Сибревком в 1921 г. перейти от продразвёрстки к продналогу. Радикальное изменение налоговой политики привело к резкому снижению численности мятежников: если в апреле 1921 г. их в Сибири насчитывалось 16 тыс. человек, то в июле – 2,5 тыс. [9, с. 278].

Повстанческая организация якутской интеллигенции требовала безотлагательного введения паевой системы по трудовой норме (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 3. Л. 9). По этому поводу ВЯОНУ разработало 14 июня 1922 г. Временную инструкцию о землепользовании в наслегах и селениях Якутской области, согласно которой земельные отделы при волостных управлениях должны были равномерно распределять землю как «дар природы» между гражданами «без различия пола, вероисповедания и национальности» на основе паевой системы. Лица обоего пола, достигшие 12 лет, наделялись целым паем, а дети от 3 до 12 лет – половиной. При этом круглому сироте, находящемуся на попечении родных и знакомых, выделялся полный пай без учёта возраста. Одиноким лицам обоего пола, имеющим самостоятельное хозяйство, общество могло предоставить возможность пользоваться двумя паями. Глава хозяйства имел право потребовать дополнительный пай при наличии двух детей до трёх лет. Количество выделенных на семью паев не превышало шести. Лишались права пользования наделами лица, отлучившиеся от общества в течение пяти лет, оказавшиеся на полном попечении сельского общества или государства, члены РКП(б). Подтверждалось право пользования расчищенными участками частных лиц, дата «общественного приговора» по которым не превышала 15 лет, а покосы из-под осушенных озёр и болот сохранялись в течение 20 лет со дня получения такового. На одно хозяйство предусматривалось не более трёх жилых усадебных угодий, а остальные участки переходили в распоряжение общества. Прежним владельцам, включая православную церковь, возвращались изъятые советской властью покосы и пашни. Коренной передел земли возлагался на Якутское областное народное собрание. Хозяевами земельных угодий в наслегах и селениях стали наследные и сельские собрания (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–12 об.).

За Охотским побережьем ВЯОНУ сохранило статус порто-франко, чтобы обеспечить свободу ввоза товаров и вывоза ценной пушнины (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 2. Л. 13). Следует отметить, что Дальний Восток представлял

собой малонаселённую и практически неосвоенную землю, к которой иностранные предприниматели, желавшие проникнуть в Китай и Корею, проявляли значительный интерес. Отсутствие российского торгового флота вынуждало власть использовать этот статус порта с целью снабжения края товарами первой необходимости [10, с. 5–7]. В одном из обращений «к братьям якутам» повстанцы обвинили большевиков в распродаже растерзанной и голодной России «с молотка иностранному капиталу». При этом указывалось, что в 1917 г. коммунисты не признали «никаких договоров “кровавого царя Николая”», а меньшевики и эсеры предали пролетариат и стали агентами русской и мировой буржуазии; теперь же «эти наглые обманщики трудового народа» открыто продают Россию «в рабство капитализма» (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 3. Л. 11 об.).

Подчеркнём, что, несмотря на тяжёлые условия Гражданской войны, на территории, контролируемой различными белыми правительствами, продолжали свою работу образовательные учреждения всех уровней [11, с. 132]. Например, осенью 1921 г. в Якутской области работали 60 изб-читален, 16 народных домов и клубов, 10 библиотек, 2 краеведческих музея. Якутские повстанцы на словах ратовали за бесплатное народное образование (НАРС(Я). Ф.Р-441. Оп. 1. Д. 3. Л. 9), однако на деле в захваченных ими улусах были уничтожены все библиотеки, избы-читальни и народные дома, а школы и пансионы при них закрыты, здания же использовались в качестве постоя для мятежников [2, с. 329].

Таким образом, основу антисоветского движения в Якутии 1921–1922 гг. составляли бедняки, батраки и середняки; при этом военное руководство осуществляло русское офицерство, идеологическое направление задавала интеллигенция, которой отводился статус лидера национального, экономического и культурного возрождения, а финансовую поддержку оказывало купечество. Русское население Якутской области не участвовало в мятеже. Как свидетельствуют документы повстанцев, причиной вооруженного выступления стало продолжение политики военного коммунизма в экономической сфере и террора в отношении практически всего якутского народа в условиях развернувшегося в стране нэпа.

Что касается политических установок мятежников, то большинство выступало за Учредительное собрание, создание национальной государственности в форме областного самоуправления (а не автономной республики), многопартийность и демократические свободы; лишь отдельные офицеры придерживались монархических взглядов. В Якутии, в отличие от других регионов страны, повстанцы занимались созданием исполнительной ветви власти, которая была представлена институтом уездных управляющих, волостных, наследных и сельских управлений. Проводимая амнистия эмигрантов и мятежников рассматривалась последними как тактический шаг советской власти, имеющий цель дезорганизовать национальное движение. При наличии внешних политических и экономических связей ВЯОНУ особые надежды возлагались на помощь Японии, в то же время сепаратистские поползновения со стороны повстанцев отсутствовали.

В экономической сфере предполагалось введение паевой системы по трудовой норме и сохранение статуса порто-франко на Охотском побережье для преодоления жесточайшего товарного голода.

Идея просвещения была лишь декларирована повстанцами, на практике же наблюдалось массовое уничтожение ими образовательных, культурных и медицинских учреждений.

Источники

- НАРС(Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.Р-67. Оп. 1–2. 26 ед. хр.; Ф.Р-176. Оп. 1. 93 ед. хр.; Ф.Р-441. Оп. 1. 11 ед. хр.
- ФНАРС(Я) – Филиал Национального архива Республики Саха (Якутия). Ф. 1894. 439 ед. хр.

Литература

1. *Башарин Г.П.* Общественно-политическая обстановка в Якутии в 1921–1925 гг. – Якутск: Бичик, 1996. – 327 с.
2. *Макаров Г.Г.* Северо-восток России (Якутия, Охотское побережье и Чукотка) в 1921–1922 гг. – Якутск: Бичик, 1996. – 335 с.
3. *Зими́на В.Д.* Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. – Волгоград: Волгогр. акад. гос. службы, 1997. – 484 с.
4. *Кондрашин В.В.* Лозунги и программа крестьянского повстанческого движения в годы Гражданской войны // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. ст. и материалов. – М.: АИРО XXI, 2013. – С. 80–98.
5. *Ципкин Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). – Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. пед. ун-та, 1996. – 182 с.
6. *Шишкин В.И.* Сибирская Вандея: вооружённое сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. – Новосибирск: Олсиб, 1997. – 710 с.
7. Кузьма Осипович Гаврилов: писатель, общественный деятель, экономист / Сост. М.К. Гаврилова. – Якутск: Бичик, 1993. – 128 с.
8. *Макаров Г.Г.* Северо-восток РСФСР в годы военной интервенции и гражданской войны и переход к новой экономической политике (1918–1921 гг.). – Якутск: Кн. изд-во, 1988. – 303 с.
9. *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: Центрполиграф, 2005. – 415 с.
10. *Троицкая Н.А.* «Порто-франко» на Дальнем Востоке // Порто-франко на Дальнем Востоке: Сб. док. и материалов. – Владивосток: Рос. гос. ист. арх. Дал. Востока, 2000. – 302 с. – С. 5–14.
11. *Гагжуев Р.Г., Цветков В.Ж.* Образование в «белом Крыму». Деятельность отдела народного просвещения в Крыму весной – осенью 1920 г. // Высш. образование в России. – 2011. – № 12. – С. 131–136.

Поступила в редакцию
12.04.16

Антонов Егор Петрович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Якутии

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ул. Петровского, д. 1, г. Якутск, 677027, Россия
E-mail: antegor@yandex.ru

Антонова Венера Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
пр. Ленина, 2, г. Якутск, 677000, Россия

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 4, pp. 836–845

The Social Structure and Ideology of the Rebel Movement in Yakutia during 1921–1922

E.P. Antonov^{a*}, V.N. Antonova^b

^a*Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Yakutsk, 677007 Russia*

^b*North-Eastern Federal University, Yakutsk, 677000 Russia*

E-mail: **antegor@yandex.ru*

Received April 12, 2016

Abstract

As part of the complex research on the Yakut anti-Soviet rebel movement in 1921–1922, which rose to the national level, the social structure and ideology of the rebels have been considered. It has been found that the poor, farmhands, and peasants of medium welfare formed the basis of the movement. Russian officers were responsible for the military command. The ideological guidance was performed by the intelligentsia. The financial support was provided by the merchants.

Having analyzed the programs, charters, appealings, private letters, and other papers, we have made the following conclusions: most rebels were for the All-Russian Constituent Assembly, building of the national state by providing provincial autonomy, as well as the multiparty system and democratic liberties. They developed the executive branch in the form of an institute for district intendants and volost, nasleg and village administrations. In the sphere of economy, it was supposed to establish the share system according to the labor rate and to retain the status of a free-trade zone on the coast of the sea of Okhotsk to cope with the goods famine.

The available factual material shows the transformation of the aboriginal people of Yakutia into an active subject of the historical process. The reconstruction of the political platform of the rebel movement is a reflection of the period of anticipated and hard development of the ideas about nation building.

Keywords: social structure, rebel movement, information department, monarchical ideas, intelligentsia, All-Russian Constituent Assembly, regional government, military communism, requisitioning, concessions, porto franco, share system

References

1. Basharin G.P. Social and Political Climate in Yakutia during 1921–1925. Yakutsk, Bichik, 1996. 327 p. (In Russian)
2. Makarov G.G. The Northeast of Russia (Yakutia, Okhotsk Coast, and Cukotka) in 1921–1922. Yakutsk, Bichik, 1996. 335 p. (In Russian)
3. Zimina V.D. The White Movement and Russian State System during the Period of Civil War. Volgograd, Volgogr. Akad. Gos. Sluzhby, 1997. 484 p. (In Russian)
4. Kondrashin V.V. The slogans and program of the peasant rebel movement during the years of the Civil War. *Krest'yanskii front 1918–1922 gg.* [The Peasant Front of 1918–1922]. Moscow, AIRO XXI, 2013, pp. 80–98. (In Russian)
5. Tsipkin Yu.N. The White Movement in the Russian Far East (1920–1922). Khabarovsk, Izd. Khabar. Gos. Pedagog. Univ., 1996. 182 p. (In Russian)

6. Shishkin V.I. Siberian Vendée: Armed Resistance to the Communist Regime in 1920. Novosibirsk, Olsib, 1997. 710 p. (In Russian)
7. Kuzma Osipovich Gavrilov: Writer, Public Person, Economist. Yakutsk, Bichik, 1993. 128 p. (In Russian)
8. Makarov G.G. The Northeast of the RSFSR in the Years of Military Intervention and Civil War and the Transition to the New Economic Policy (1918–1921). Yakutsk, Kn. Izd., 1988. 303 p. (In Russian)
9. Novikov P.A. Civil War in Eastern Siberia. Moscow, Tsentrpoligraf, 2005. 415 p. (In Russian)
10. Troitskaya N.A. “Porto Franco” in the Far East. *Porto-Franko na Dal'nem Vostoke* [Porto Franco in the Far East]. Vladivostok, Ross. Gos. Ist. Arkh. Dal. Vostoka, 2000, pp. 5–14. (In Russian)
11. Gagkuev R.G., Tsvetkov V.Zh. Education in the “White” Crimea. The activity of the Department of National Education in the Crimea during the spring – autumn of 1920. *Vyshee Obrazovanie v Rossii*, 2011, no. 12, pp. 131–136. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Антонов Е.П., Антонова В.Н. Социальный состав и идеология повстанческого движения в Якутии 1921–1922 гг. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 836–845. ⟩

⟨ **For citation:** Antonov E.P., Antonova V.N. The social structure and ideology of the rebel movement in Yakutia during 1921–1922. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 4, pp. 836–845. (In Russian) ⟩